

УДК 82:801.6

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ЛИРИКЕ Г.ТУКАЯ

© Н.М.Юсупова

Статья посвящена особенностям образности в творчестве Г.Тукая. Традиционная для татарской литературы система символов позволяет поэту в романтической форме выразить отношение лирического героя к жизни в ее экзистенциальном осмыслении. На фоне данной системы происходит символизация метафорической образности.

Ключевые слова: татарская поэзия, символ, трансформация, экзистенциальное осмысление.

Каждая национальная литература имеет собственную систему образов, символов, отражающих национальное своеобразие, специфику данной культуры и являющихся родными, знаковыми для ее представителей. Культура и литература выражают себя через мир символических форм, которые передаются от человека к человеку, от поколения к поколению [1: 14-15]. По мнению Массиньона [2: 58], для структуры искусства мусульманских народов в целом характерно символическое единство. Особо в этом плане стоит отметить традицию суфизма, философско-эстетические основы которого были близки к символизму. Суфизм придал в целом светской, европеизированной поэзии национальный восточный колорит, расширив и обогатив ее художественное и эстетическое содержание [3: 97].

По определению А.Белого, искусство XX века насквозь символично [4: 340]. Изучаемый период и в татарской поэзии характеризуется разнообразием символических образов: не только отдельные образы, но и образы исторических личностей, сюжеты известных мифов и легенд, неомифов, созданных самими писателями [5: 21], даже сложные и разнообразные повторы – аллитерации, внутренние рифмы, анафоры, гармония, поднявшись до уровня поэтической доминанты, превращаются в символический образ [6: 21]. На фоне активизации национальной идеи многие символы обогащаются новыми оттенками, приобретают смысловую нагрузку, выражающую идею национального самовыражения, самоосуществления и философское мироощущение лирического героя.

Стремление к символизации ярко проявляется и в творчестве Габдуллы Тукая – яркого представителя татарской поэзии начала XX века. С этой точки зрения представляет особый интерес казанский период его творчества. В последние десятилетия XX века в отечественном литературоведении появилось немало работ, предметом исследования в которых стало творчество Г.Тукая (М.Файзуллина, И.Нуруллин, Р.Ганиева,

Ю.Туишев, Н.Лаисов, Л.Замалетдинов, Г.Амиров, Г.Халит, Х.Усманов, Н.Юзеев, Р.Нафигов, Т.Галиуллин, Р.Гайнанов, Р.Даутов, З.Рамиев, А.Саяпова, А.Габбасова и др.).

Комплексное и системное изучение лирики Г.Тукая предполагает необходимость более внимательного рассмотрения специфики его поэтической образности. Многие ранее предпринимавшиеся в этом направлении поиски были основаны на марксистско-ленинском учении и ограничены социологическими, позитивистскими рамками. Структурно-семиотический анализ произведений, оценка их в идейно-эстетической целостности, выявление смысловых нюансов символической образности и субстанциональной философской подосновы дают возможность выделить новые грани в творчестве Г.Тукая. Помимо этого, изучение символов, в частности космогонических, в контексте национальной и философской мысли открывает новые возможности для более глубокого осмысления места и роли творчества Тукая.

В его произведениях переплетаются традиции восточной мусульманской литературы и западной словесности. Эта особенность его творчества остро ощущается в системе символических, аллегорических образов и в их философско-смысловой нагрузке: система традиционных образов и символов, при сохранении своей национальной специфики, приобретает новые смыслы и видоизменяется. Появляются устойчивые символические образы, развивающиеся и повторяющиеся на протяжении всего творчества поэта. Именно через повторения в отдельных стихах образы, использованные в метафорическом и аллегорическом ракурсах, поднимаются до уровня символов.

В 1908-1913 годах в татарской поэзии наблюдается тенденция наиболее частого обращения к таким космогоническим символам, как заря, солнце, луна, звезда. И в творчестве Г.Тукая, особенно в его философской и любовной лирике, доминируют космогонические символы.

Одним из наиболее часто используемых в поэзии Г.Тукая космогонических символов, отличающихся множеством смысловых вариаций, является звезда. В традиционном значении образ звезды символизирует надежду, хранителя, предвестника светлого будущего. Поэт наполняет его новым содержанием: он начинает символизировать величие, одиночество, любовь и надежду. Например, в его стихотворении «Күңел йолдызы» («Моя звезда», 1909) лирический герой страдает из-за низости мира; это ощущение укрепляется сравнением жизни с ночью. Однако благодаря сохранившемуся в душе священному свету звезды вдруг появляется оттенок радости как надежда, связанная с будущим. «Святая звезда» противопоставлена темной, как ночь без луны, день без солнца, судьбе лирического героя:

*Озаттылар миңа күп төрле мэлгунь көч,
кара көчләр,*

*Теләп сүндермәгә күңлемдә янган изге
йолдызны.*

*Валәкин сүнмәде ул: йолдызым якты, һаман
нурлы;*

*Гаҗәпме юлга салса, ичмасам, бер данә
юлсызны?*

*Җиһанда калдырып китсәм икән, йа раб,
гузәл эзне!*

*Я ощущаю тяжесть рук, прикосновенье чер-
ных сил,*

*Но враг мой в сердце у меня святой звезды не
погасил.*

*Нет, нет, горит моя звезда, не меркнет от-
блеск золотой,*

*И несомненно, хоть один заблудший той спа-
сен звездой.*

*Звездятся в сердце у меня надежды, радо-
сти, тоска,*

*Навеки сердцу моему звезда священная близ-
ка [7: 91].*

В литературно-эстетическом ракурсе «звезда» прочитывается как творческий огонь в душе поэта, его любовь к поэзии, духовное величие лирического героя, дающее возможность достичь внутренней свободы.

В произведении «Хөрмәтле Хөсәен ядкяре» («Светлой памяти Хусаина», 1912) образ звезды символизирует народного героя Хусаина Ямашева, отдавшего жизнь за свой народ, и выражает гуманистическую идею о равенстве и братстве людей, выдвигает такие созвучные времени ценности, как справедливость, духовная красота, честь, правдивость. Кроме того, в произведении ощущаются толстовские мотивы: призыв к отказу от материальных благ, ради достижения духовного совершенства. С тем же контекстом

символ звезды используется в стихотворениях «Жавап» («Ответ», 1908), «Китап» («Книга», 1909).

В отдельных произведениях символический образ звезды наполняется иным философским содержанием и воспринимается в основном как выразитель экзистенциального мироощущения. Например, в стихотворении «Үкенеч» («Раскаяние», 1910) образ-символ звезды воспринимается в экзистенциальном контексте: выступает как единица, выражающая одиночество, судьбу лирического героя, страдающего от безнравственности людей, от их двуличия:

Нигә мин тормадым бер читтә ялгыз –

Ничек күктә яна бер данә йолдыз?

Янып ялгыз шулай, күп еллар үткәч,

Сүнәр идем, Ходайдан вагъдә җиткәч.

Зачем от них тогда подальше не был,

Как одинокая звезда на небе?

Чрез много лет, сгорая одиноко,

Потом потух бы по завету Бога [8: 192].

Лирический герой, говоря об одиночестве, безысходности перед надвигающейся смертью, обращается к таким метафорическим деталям, как беспросветность, темнота, потеря идеала: они становятся средством усиления страданий. К концу стихотворения образ звезды наполняется новым содержанием: в стихотворении упаднические мотивы бессмысленности жизни освещаются надеждой на будущее.

Еще один из любимых космогонических образов Тукая – это луна. Как известно, пришедший из восточной литературы символ Луны выражает красоту, чистоту, первозданность чувств. В татарской поэзии луна воспринимается и как символ глубоких переживаний [9: 53]. В лирике Г.Тукая данный смысловой оттенок сохраняется, многозначный символ луны дает возможность поэту выразить философию красоты, любви и скорби. Кроме того, в любовной лирике символ луны используется как литературная деталь для описания красоты женщины, прекрасно вообщем. И эта традиция – традиция суфизма.

Так, в стихотворении «Жәйге таң хатирәсе» («Летняя заря», 1910) метафорические образы звезды и луны наполняются содержанием божественной красоты:

Галибанә яктырып, әкрән генә ал таң ата;

*Моңланып, хәсрәтләрнеп, ялкау гына ак ай
бата.*

*Бер-бер артлы юк булып, күкләрдә йолдызлар
сүнә;*

Таң җиле куйды исең, яфраklar аз-аз селкенә.

Величаво и спокойно разгорается заря,

А ленивый белый месяц грустно скрылся за поля.

Исчезают друг за другом звезды бледные с небес,

Задышал рассветный ветер, зашептал спростонья лес [7: 99].

Красота природы, с одной стороны, становится источником творческого вдохновения, с другой стороны, как и в суфийской поэзии, символизирует совершенство и гармонию души.

В стихотворении «Ана догасы» («Молитва матери», 1909) образ луны представлен и как метафора красоты, и как образ-символ, выражающий Любовь. В первой части стихотворения «лучезарная, сребристая» луна прочитывается как красота, гармония и умиротворение в природе. Во второй части природа соединяется с ощущениями молящейся матери: красота, возвышенность луны переходят в красоту, чистоту материнской души и смысловая нагрузка направляется на раскрытие силы любви к Всевышнему. Так проявляется смысл божественной красоты души человека:

Тамадыр мискинәмнең тамчы-тамчы күзләреннән яшь;

Карагыз: шул догамы инде Тәңре каршына бармас?

Слезы капаят у старой, бледный лоб давно иссох.

Ту молитву неужели не услышит вышний бог? [7: 95]

В стихотворении «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910), посвященном горьким раздумьям о быстротечности жизни, образ луны прочитывается в экзистенциальном ракурсе. Образ молодого месяца, так быстро превратившегося в полную сияющую луну, символизирует светлые надежды молодости и дает возможность поэту передать экзистенциальные мотивы о быстротечности жизни, о бессмысленности бытия, о неудовлетворенности собой:

Күз тегеп баксам эгәр дә тормышымның күгенә,

Яшь ылал урынында анда тулган айның яктысы...

И мөкаддәс моңлы сазым! Уйнадың син ник бик аз?

Син сынасың, мин сүнәмен, айрылабыз, ахрысы!

Если я теперь на небо жизни горестной смотрю,

Больше месяца не вижу, светит полная луна...

Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал.

Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться мне с тобой? [7: 111]

Таким образом, развиваясь в новых эмоциональных и смысловых оттенках, символ луны теряет свои традиционные черты: под «красотой» уже подразумевается нравственность, духовность, в конечном счете, образ прочитывается в экзистенциальном ракурсе.

В отдельных произведениях поэт обращается к космогоническому образу Солнца, создавая при этом новые смысловые вариации в соответствии с потребностями времени. В древней мифологии солнце символизирует вечность, безопасность, молодость и счастье. История национальной литературы обогащает его такими новыми смысловыми вариантами, как величавость и великость. В стихах более раннего периода «Пушкинә» («Пушкину», 1906), «Мөбарәк тәсбих өзелде» («Священных четок нить оборвалась») символ солнца также выражает душевную радость лирического героя и идеал, обещающий счастье. Но в отдельных произведениях образ солнца приобретает новую смысловую нагрузку и наполняется философским содержанием. Например, стихотворение «Ай һәм Кояш» («Солнце и месяц», 1910) воссоздает точку единства бытия, где эта точка сама превращается в символический образ. Идею единства, как и все поэты-романтики, Г.Тукай выражает посредством образов-символов. Именно распространенные в арабо-мусульманской поэзии и являющиеся символами божественного величия, красоты, душевности образы Солнца и Луны передают мотив единства. Кроме того, единство преподносится и как идеал для нации.

В таких стихотворениях, как «Эш беткәч уйнарга ярый» («Кончил дело – гуляй смело», 1909), «Эш» («Работа», 1909) образ солнца используется как символ указывающего путь маяка и совершенства. Например, в стихотворении «Эш» («Работа») образ солнца, повторяясь в двух строфах, передает различные смысловые вариации. В первой части он прочитывается как истина, ведущая к совершенству, к доброте и свету. Во второй части наполняется философским содержанием: все твои добрые дела фокусируются в лучи света и образуют, по мнению поэта, твое «собственное» солнце. Такими лучами являются знание, учение, старание, трудолюбие. Так поэт проповедует просветительские идеи, поучая, пытаясь воспитать стремление к истине, к знаниям, и тем вывести нацию из мрака.

Таким образом, Г.Тукай обогатил традиционные космогонические образы звезды, луны и

солнца различными смысловыми оттенками и использовал их в своем творчестве как основу для передачи авторской позиции или своих философских воззрений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант №12-14-16015а.

1. Культурология: учеб. пособ. / сост. и отв. редактор А.А.Радугин. – М.: Центр, 2003. – 243 с.
2. *Массиньон Л.* Методы художественного выражения у мусульманских народов // *Арабская средневековая культура и литература.* – М.: Наука, 1978. – С.54 – 60.

3. *Саяпова А.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 246 с.
4. *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
5. *Заһидуллина Д.Ф.* Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. – 255 б.
6. *Колобаева Л.А.* Русский символизм. – М.: Моск. гос. ун-т, 2000. – 296 с.
7. *Тукай Г.* Избранное: стихи и поэмы. – Казань: Тат. книж. изд-во, 2006. – 192 с.
8. *Тукай Г.* Избранное. – Казань: Магариф, 2006. – 239 с.
9. *Урманче Ф.И.* Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 т. – Казан: Мәгариф, 2008. – Т.1. – 303 б.

COSMOGONICAL SYMBOLS IN TUKAY'S POEMS

N.M.Yusupova

This article studies the specific features in Tukay's works against the background of transformations in the system of symbols which makes it possible for Tukay to express the romantic attitude of the lyrical hero towards life in an existential understanding, which in turn makes his metaphoric imagery more symbolic.

Key words: symbol, creation, transformation, existential understanding.

Юсупова Нурфия Марсовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы XX-XXI вв. и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: faikovich@mail.ru

Поступила в редакцию 29.02.2012